

ISSN 0042-8841

НОЯБРЬ-ДЕКАБРЬ 2011

ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ

научный журнал

Контекст как психологическая
категория

Проблема стабильности и изменчивости
общих способностей в психогенетике

Таланты и китайский календарь

- Теоретические исследования
- озрастная и педагогическая психология
- Психология в высшей школе
- Тематические сообщения
- Памятные даты
- История психологии
- Экспериментальные исследования
- Необычные гипотезы
- Критика и библиография
- Научная жизнь
- 3 *Вербицкий А.А., Калашников В.Г.*
Контекст как психологическая категория
- 15 *Знаков В.В.*
Понимание, постижение и экзистенциальный опыт
- 25 *Князева Т.Н.*
Предподростковый возраст как проблема современного детства
- 35 *Штейнмец А.Э.*
О преподавании психологии будущим учителям
- 45 *Тендрякова М.В.*
Игры детей «изрядного возраста» как механизм исследования жизненных стратегий
- 57 *Гулевич О.А., Стукалина А.В.*
Роль профессионального опыта в распознавании лжи (на примере сотрудников спецслужб)
- 67 *Ковас Ю.В., Тихомирова Т.Н., Малых С.Б.*
Проблема стабильности и изменчивости общих способностей в психогенетике
- 77 *Баянова Л.Ф.*
Образ Гамлета у Л.С. Выготского как отражение психологических особенностей эпохи
- 84 *Федорович Е.Ю.*
Развитие поведения животных в онтогенезе как результат их взаимодействия с окружением
- 94 К 85-летию со дня рождения В.А. Роменца
Гусельцева М.С.
Наследие В.А. Роменца в истории украинской психологии
- 108 *Ясицкий А.*
Изоляционизм советской психологии? Ученые, «импорт–экспорт» в науке и власть
- 122 *Григоренко Е.Л.*
Этап «дочерения», его характеристики и их роль в овладении чтением
- 131 *Ковязина М.С.*
Особенности поведения при патологии мозолистого тела
- 141 *Виноградов Е.С.*
Таланты и китайский календарь
- 152 *Семенов И.Н.*
Рефлексирующее сознание и интуитивно-творческий акт
- 155 *Собкин В.С.*
Долгожданное издание
- 159 Конференция по проблеме здоровья личности в теоретической и прикладной психологии
- 162 XXVI Мерлинские чтения: Психологические инновации в образовании
- 165 II всероссийская конференция по психологии сознания
- 169 **В.К. Вилюнас**
- 171 Резюме на английском языке
- 174 Указатель статей, опубликованных в журнале «Вопросы психологии» в 2011 г.

Theoretical research	3 Verbitsky A.A., Kalashnikov V.G. Context as a psychological category
Developmental and pedagogical psychology	15 Znakov V.V. Comprehension, perception and existential experience
Psychology and higher education	25 Knyazeva T.N. Pre-adolescence as a problem of contemporary childhood
Thematic reports	35 Shteinmez A.E. University psychology on teaching psychology to students training to become teachers
	45 Tendriakova M.V. Games of grown-up "children" as a mechanism for researching life strategies
	57 Gulevich O.A., Stukalina A.V. The role of professional experience in identifying falsehood (on the example of intelligence service officers)
	67 Kovas Y.V., Tikhomirova T.N., Malykh S.B. The problem of stability and volatility of general abilities in psychogenetics
	77 Bayanova L.F. Hamlet as a reflection of psychological characteristics of the epoch according to L.S. Vygotsky
	84 Fedorovich E.Yu. Development of animal behavior in ontogenesis as a result of their interaction with the environment
Memorable dates	94 <i>Towards the 85th anniversary of V.A. Roments</i> Guseltseva M.S. V.A. Romenets's heritage in the history of Ukrainian psychology
History of psychology	108 Yasnitsky A. Isolationism of Soviet psychology? The scholars, «import-export» in science, and the power
Experimental research	122 Grigorenko E.L. The stage of «pre-reading», its characteristics and their role in mastering reading
	131 Koviazina M.S. Characteristics of behavior in patients with corpus callosum disorders
Original hypotheses	141 Vinogradov E.S. Talent and the Chinese calendar
Critical review and bibliography	152 Semenov I.N. The reflecting consciousness and the intuitive creative act
	155 Sobkin V.S. A long awaited publication
Scientific events	159 A conference on personality health in theoretical and applied psychology
	162 The XXVI Seminar in memory of V.S. Merlin: Psychological innovations in education
	165 The II All-Russian conference on psychology of consciousness
	169 V.K. Viliunas
	171 Summaries
	174 Index of articles published in the journal Voprosy Psychologii in 2011

- Adoption Project / S.J. Wadsworth, R.P. Corley, R. Plomin, J.K. Hewitt, J.C. DeFries // Huston A., Ripke M. (eds). Developmental contexts in middle childhood: Bridges to adolescence and adulthood. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 2006.
39. Wainwright M.A. et al. Multivariate genetic analysis of academic skills of the Queensland core skills test and IQ highlight the importance of genetic g / M.A. Wainwright, M.J. Wright, M. Luciano, G.M. Geffen, N.G. Martin // Twin Research and Human Genetics. 2005. V. 8. P. 602–608.
40. Weis S., Süß H.-M. Reviving the search for social intelligence — a multitrait-multimethod study of its structure and construct validity // Pers. and Individ. Differences. 2007. V. 42. P. 3–14.

Поступила в редакцию 17.VIII 2011

ОБРАЗ ГАМЛЕТА У Л.С. ВЫГОТСКОГО КАК ОТРАЖЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЭПОХИ

Л.Ф. БАЯНОВА

Обосновывается теоретическое значение работы Л.С. Выготского «Трагедия о Гамлете, принце Датском» в использовании художественной формы как средства психологического познания личности. Раскрываются различия в оценках личности как субъекта культуры в работах Н.А. Бердяева, Л.С. Выготского, Ю.М. Лотмана, М.К. Мамардашвили.

Ключевые слова: художественная форма, нормативная ситуация, культура, личность.

Существует множество литературоведческих трактовок «Трагедии о Гамлете, принце Датском», однако в психологии сохраняется уникальность единственной работы, принадлежащей Л.С. Выготскому [7], для него обращение к трагедии У. Шекспира не рядоположенное, а определяющее его понимание психологии личности. М.Г. Ярошевский писал об этом следующее: «До конца дней Л.С. Выготского трагедия Шекспира становится для него настольной книгой. С ней он ушел в больницу, откуда не вернулся» [18; 114].

Размышления Л.С. Выготского о Гамлете на сегодня в психологии не привлекли должного внимания исследователей. Исключение составляет лишь статья Г.П. Щедровицкого, в которой автор пытается объяснить обращение ученого к образу Гамлета юношескимиисканиями самого Льва Семеновича на фоне той исторической эпохи, которая вынуждала каждого мыслящего человека к личностному самоопределению: «Выготский за счет символа Гамлета получает возможность овладеть самим собой,

ответить на вопрос, что есть он сам в этом мире, разрушающемся и строящемся одновременно. Выготского Гамлет интересует не только как разрешитель общественной ситуации, но и как модель для обсуждения личных вопросов самоопределения и жизни. <...> Разыгрывая судьбу Гамлета в своем описании и анализе, Л.С. Выготский фактически разыгрывает свои возможные ходы. Строит самого себя как личность» [17; 85]. Данная точка зрения, на наш взгляд, расходится с текстом Л.С. Выготского, где основным предметом исследования шекспировской трагедии становится художественная форма как средство научной рефлексии при постижении психологического содержания личности.

Л.С. Выготский в толковании Гамлета принял версию А.Г. Горнфельда о том, что каждый новый читатель трагедии есть и ее новый автор [8]. На протяжении всей работы над шекспировской трагедией Л.С. Выготский сосредоточивается на самом произведении, пишет, что «надо взять трагедию как она есть» [7; 167],

откровенно указывает на многослойность литературной критики, мешающей полноценному психологическому анализу, на необходимость «избавить Гамлета от тех 11 000 томов комментариев, которые придали его своей тяжестью» [Там же]. Он прямо пишет о целесообразности введения трагедии в предметную область психологии. О внелитературном, психологическом, характере исследования трагедии повествуют следующие его слова: «Кто хочет исследовать Гамлета как психологическую проблему, тот должен вовсе оставить критику» [Там же].

При исследовании произведения У. Шекспира с точки зрения его психологической составляющей Л.С. Выготский использует метод диалектики. Этот метод характерен для его научного творчества в целом, что убедительно показано в работе Н.Е. Вераксы [4]. Вся трагедия, по мнению Л.С. Выготского, построена на противоречиях, на тройном противоречии, лежащем в основе трагедии, — «противоречии фабулы, сюжета и действующих лиц» [7; 185]. Гамлет, в свою очередь, является «высшим и постоянно данным единством того противоречия, которое заложено в трагедии» [Там же]. Главная диалектическая задача, решаемая Гамлетом, заключается, на наш взгляд, в одновременности его смерти и рождения в двух разных мирах, которые несут различные нормирующие поведение принципа предписания.

Символическим образом одного из миров является Призрак, другого — Горацио. Призрак отца Гамлета задает определенное пространство, в котором Гамлету предписываются четкие нормы, регулирующие его поведение. Условно назовем это пространство родовым. Попадая в родовое пространство, Гамлет должен выполнить вполне определенную задачу, предъявив свое соответствие социальной норме, — отомстить за смерть отца. Предписываемая норма декларируется Призраком ультимативно, он требует клятвы

принца об исполнении. Виновник назван, Гамлет оповещен об обстоятельствах подлого убийства. Сюжет в данном случае может развиваться, согласно нормативной организации родовых отношений, в единственном русле: Гамлет-мститель убивает Клавдия. Подобная схема задается в трагедии трижды. Три молодых персонажа — Гамлет, Фортинbras-младший и сын Полония Лаэрт — поставлены сложившимися обстоятельствами в позиции исполнителей мести за убийства своих отцов. Так четко структурировано нормативное социальное пространство, в котором не предполагается иного выбора поступка для юношей кроме мести.

Во всех трех случаях возникает отсроченное поведение сыновей. Все медлят с осуществлением мести. Гамлет же, будучи принцем, ведет себя особенно безвольно. Ему это непозволительно в большей степени, чем кому бы то ни было. Он на вершине социальной пирамиды, на виду у всех. Единственным социальным ожиданием, адресованным Гамлету, является месть. Это социальное ожидание не есть театрализованное действие для тех, кто ждет соответствия героя норме мести. Месть за отца как нормирующее правило социального поведения обусловлена необходимостью самосохранения рода. Такова изначально конвенциональная природа нормы как всеобщей договоренности ради всеобщего выживания.

Гамлет, оказываясь в нормативной системе, испытывает ограничения своей активности предписаниями, регулирующими его поведение. «Нормативная ситуация, для которой предусмотрена социальная норма, есть не только средство регуляции поведения, но и является точкой столкновения интересов индивида и социума. Она ограничивает индивидуальное поведение в интересах социума» [5; 90]. Однако в шекспировской трагедии мы видим не социальное ограничение, а инициирование активности Гамлета по отношению к королю.

Здесь нормативное пространство, предписывающее герою волеизъявление мести, лишает его индивидуальности, которая может быть представлена в созидании нового поведения, исключающего эту самую месть, в данном случае – новой социальной нормы. В методологическом ключе личность в психологии есть «человек, создающий новую социальную (культурную) норму» [5; 96]. Гамлет попадает в готовую нормативную культурную организацию отношений, в которой ему уготовано место на троне. Парадоксально, что самая высокая социальная позиция владения абсолютной властью предполагает требование безупречного соблюдения принятых в культуре норм и контроля за соблюдением этих норм другими. Король по существу является максимально обезличенной в социуме фигурой и самой точной проекцией культуры. Гамлет задается целью быть личностью, что требует сопротивления миру, рефлексии и самое главное – создания новой социальной нормы. Безволие в данном случае является таковым лишь с точки зрения той культуры, с которой он вступает в оппозиционные отношения.

Объяснений бэзволия Гамлета в литературной критике множество. Л.С. Выготский выделяет две критические линии в оценке безволия принца, в которых «Гамлет не мстит сразу либо потому, что его нравственные чувства противятся мести, либо потому, что он нерешителен и безволен по самой своей природе» [7; 156]. Н.Г. Воронцова-Юрева в статье, посвященной Гамлету, также выделяет две, но несколько иные критические линии в оценке гамлетовской медлительности: «Литературоведы тут же разделились на два лагеря. Одни утверждали, что Гамлет медлит потому, что он гуманист, вторые – что ему нужны достоверные доказательства. И что, дескать, именно для этого он и прикидывается сумасшедшим» [6]. Л.С. Выготский в объяснении безволия выходит за пределы сюжета и считает безволие

эстетическим приемом У. Шекспира, его майевтикой, повивальным действием, родовспоможением. Именно через анализ художественного приема, а не сюжета трагедии Л.С. Выготский решает не искусствоведческую, а психологическую задачу методологии личности. Для него самым важным становится обнаружение момента предъявленности человека миру как личности – то, что М.К. Мамардашвили в «Картезианских размышлениях» назвал состоянием «Только то, что – Я!» [12; 11].

Л.С. Выготский анализирует художественную форму как эстетический прием, в котором читателю дана возможность обнаружить момент рождения личности. Интересной становится не сюжет трагедии, а майевтика У. Шекспира, раскрывающая читателю психологическое таинство рождения. Под художественной формой в данном случае Л.С. Выготский понимает «всякое художественное расположение готового материала, сделанное с таким расчетом, чтобы вызвать известный эстетический эффект» [7; 51]. Художественная форма произведения У. Шекспира заключена в двух приемах – наделение Гамлета безволием и безумием, подчиненным замыслу всей трагедии. Л.С. Выготский пишет, что «правильнее было бы спрашивать: не почему Гамлет медлит, а зачем Шекспир заставляет Гамлета медлить? Потому что всякий художественный прием познается гораздо больше из егоteleologической направленности, из психологической функции» [7; 171]. Следует подчеркнуть: для Л.С. Выготского особенно важным представляется то обстоятельство, что причину медлительности Гамлета «надо искать не в психологии нерешительности и безволия, а в законах художественного построения. Медлительность Гамлета есть только художественный прием трагедии» [7; 53].

Итак, Гамлет, призванный предъявить себя личностью, страдает от трудности этой задачи, его медлительность есть не что иное, как гибель в системе родо-

вых отношений. Он жаждет иного мира и другого себя. Родиться для него – это обнаружить себя в новом мире, отличном от родовых отношений, он отказывается от задачи мести. Сложность для Гамлета заключается в том, что содержанием другого самосознания он не располагает, его предстоит выстроить, выражаясь словами Н.А. Бердяева, «необходимо в творческом подъеме выйти из имманентного круга “действительности”, необходимо вызвать образ, иной мир, новый по сравнению с этой мировой действительностью (новое небо и новую землю)» [2; 215]. Вот здесь и происходит рождение личности – в тот момент, когда она творит новую норму. В новом контексте, который выстраивает Гамлет, нет ни Клавдия, ни Полония, ни Гертруды, ни даже Офелии. Гамлет умер в старом мире. В новый мир переходят «лучший из людей» Горацио, Лаэрт, Фортинбрас-младший. Друзья становятся символом нового созидающего Гамлетом мироустройства человеческих отношений. Друг Горацию избран принцем его душеприказчиком, которому Гамлет доверяет память о себе:

«Горацио, я гибну;
Ты жив; поведай правду обо мне
Неутоленным» [16; 393].

Возникает вопрос: почему в персонажи гамлетовского нового мира вошли именно те, кто пренебрег задачей мести? Очевидно, потому, что именно они отказались от нормативной организации родового мироустройства, культуры рода. Они несут новую культурную организацию человеческих отношений, взывают к новому Гамлету, дают ему шанс на новое нормативное мироустройство, в котором может существовать внеродовая ценность некровного родства – дружба. Тогда возникает вопрос о ценности любви, которая тоже может рассматриваться вне родовых норм, признавая самоценность Другого как объекта любви. Почему же Офелия была отвергнута Гамлетом? Этому тоже есть объяснение.

На приказ Полония отречься от Гамлета Офелия покорно отвечает: «Я буду вам послушна, господин мой» [16; 71]. Офелия изъявила абсолютную преданность отцу, легко отвергнув чувства принца, за что и была оставлена Гамлетом рудиментом старого мира. Итак, фабула пьесы требует мести, Гамлет медлит. Это и есть момент диалектики – противопоставления «фабулы пьесы и характера героя» [7; 160]. Герой рождается из сопротивления среде, но пустое сопротивление без предъявления себя через творчество нового бессмысленно с точки зрения психологии личности.

Идея рождения и самосохранения личности через сопротивление и творчество была главной линией философской мысли первой трети XX в., которую С.Л. Франк назвал «проблемой субъекта» [15]. Необходимость личностного самоосуществления человека в творчестве как его предназначение – это сердцевина русской философской мысли того времени, которая, на наш взгляд, воплотилась в экзистенциальной диалектике Н.А. Бердяева. «Самоосуществление личности, – пишет философ, – предполагает сопротивление, требует борьбы против порабощающей власти мира, несогласия на конформизм с миром. Отказ от личности, несогласие на растворение в окружающем мире может уменьшить боль, и человек легко идет на это. Согласие на рабство уменьшает боль, несогласие увеличивает боль» [3; 23]. Для него личность рождается в сопротивлении ради возможности творчества: «Личность по существу своему непокорна и непослушна, она есть сопротивление, непрерывный творческий акт» [3; 37]. Диалектика рождения личности через творчество представлена и в работах, к сожалению, почти забытого отечественного философа и психолога М.М. Рубинштейна [1].

Толкование Гамлета как героя, пребывающего на перепутье миров, является одним из самых распространенных. Безвлие в данном случае можно оценивать

как факт ухода Гамлета из нормативного пространства родовых отношений: «...со страниц воспоминаний он стирает все мысли, чувства, все мечты, всю жизнь» [7; 72]. Однако возникает вопрос: как после ухода Гамлета из этого пространства, фактически проявившегося в отказе от мести, мог развиваться сюжет трагедии? Гамлет должен был либо убить себя, либо уехать из королевства, что не соответствовало бы ни логике развития сюжета, ни характеру героя, ни фабуле произведения.

Обратившись ко второму эстетическому приему У. Шекспира – безумию героя, попытаемся объяснить целесообразность данного состояния. Чем является безумие для самого Гамлета, который один только знает, «что он не трус» [7; 173], и – для окружающих, самые проницательные из которых понимают, что Гамлет играет это состояние, имея особый замысел? «Хотя это и безумие, – говорит Полоний, – но в нем есть последовательность» [16; 133]. Такое безумие, по выражению Ю.М. Лотмана, обладает «сверхчеловеческой осмысленностью и одновременно требует сверхчеловеческих действий» [11; 44]. Следует отметить, что безумие героя как художественный прием использовалось в классической литературе не раз (князь Мышкин, Чацкий). Ф.М. Достоевский сравнивает сумасшествие с переживанием особых позитивных чувств, дающих «неслыханное и негаданное дотоле чувство полноты, меры, примирения и восторженного молитвенного слияния с самым высшим синтезом жизни» [9; 234–235]. У М.К. Мамардашвили этот сознательный выход за пределы культуры назван «великим безразличием», «подвесом», «зазором» [12; 32].

Феномен сумасшедшего в интересующем нас ключе обсуждается в одной из ключевых работ Ю.М. Лотмана [11]. Сумасшедшему уготована самая высокая честь – быть источником жизни культуры, ответственным за творчество новых норм в ней. Ю.М. Лотман различает три типа

поведения в культуре, два из которых при поверхностном рассмотрении проявляют внешнее сходство тем, что направлены на разрушение существующих норм, – поведение дурака и сумасшедшего. Дурак, как и сумасшедший, выступает против норм культуры, но он «лишен гибкой реакции на окружающую его ситуацию. Его поведение полностью предсказуемо. Единственная доступная форма его активности – это нарушение правильных соотношений между ситуацией и действием. Действия его стереотипны, но он применяет их не к месту: плачет на свадьбе, танцует на похоронах. Ничего нового он придумать не может» [11; 41]. Таков ли Гамлет? Предсказуемы ли его поступки? Стоит вспомнить историю с «мышевкой» для того, чтобы утвердиться в обратном. Гамлет, в терминологии Ю.М. Лотмана, отнюдь не дурак. Более того, он нарочито подчеркнуто выбирает позицию сумасшедшего, поведение которого «отличается тем, что носитель его получает дополнительную свободу в нарушении запретов, он может совершать поступки, запрещенные для “нормального” человека» [Там же].

Таким образом, получается, что дурак и сумасшедший – это не синонимы, а антонимы или, как говорит Ю.М. Лотман, «пределные полюса». Третье поведение в лотмановской классификации – «умное», «нормальное» поведение, «оно описывается как норма и соответствует формулировкам законов и правилам обычая» [Там же]. В нашем анализе «нормальный Гамлет» – это принц-мститель. Однако в трагедии изображен безвольный юноша, притворяющийся сумасшедшим. Сумасшествие дает свободу, возможность, выражаясь словами Н.А. Бердяева, «определяемости изнутри, из свободы» [3; 22].

Непредсказуемость Гамлета опасна для окружающих, поскольку привносит новизну в нормативную организацию двора. За новизной скрывается амбициозное желание Гамлета на творчество новой нормы,

его претензия на то, чтобы быть личностью. Тогда гамлетовская метафора «быть или не быть?», прочитанная через призму идей Л.С. Выготского, приобретает четкий психологический контур. Бытие личности (гамлетовское «быть») становится определяемым через творчество нового, через вненормативное пребывание, сопровождаемое сумасшедшим состоянием, когда человек осознанно помещает себя вне культуры, вне ее норм.

Гамлет Л.С. Выготского – это не символ эпохи, «вышедшой из колеи», а скорее символ построения научной дефиниции «личность», имеющей в психологии статус предельного научного обобщения – категории. Этим объясняется интерес Л.С. Выготского к шекспировской трагедии в решении методологической проблемы определения личности. Работа над данным произведением сопровождала его с юных лет, через художественную форму ему удалось показать определяемость личности через сопротивление и собственное созидание. Личность как психологическая категория реально не была представлена автором через ее причастность к творчеству новой нормы, однако нельзя не согласиться с высказанным О.М. Дьяченко мнением о том, что «даже те вопросы, которые прямо Л.С. Выготский не решал, при чтении его работ освещаются особым сиянием подлинного творчества и напряженной человеческой мысли» [10; 109].

В трагедии У. Шекспира речь идет о смерти ради рождения, на что однозначно указывает Л.С. Выготский: «И Гамлет в ужасной тоске мечется душой перед новым рождением» [7; 286]. В данном случае очевидной становится необходимость оценки того, что считать продуктом творчества Гамлета, в котором он самоосуществляется как личность. Сотворенными являются новые отношения, в которых проявляется ценность некровного родства. В последнем акте трагедии Гамлет выступает как творец новой нормативной

ситуации, под которой в психологии понимается не что иное, как культура [5]. Тогда становится логичным и второй, вслед за безволием, эстетический прием У. Шекспира – безумие героя. За сумасшествием скрывается поведение творца культуры, ответственного за ее динамику. «Личность в нас, – отмечает М.К. Мамардашвили, – это такое измерение, в которое мы входим, выходя из себя» [13; 38]. Гамлет заявляет о себе как о личности, сопротивляясь объективации в культуре, в которой он оказался, при этом делая отчаянную попытку предъявить новую культурную норму. Задача, которую он ставит перед бесконечно рефлексирующим самим собой, – это личностное самоосуществление, бытие.

Анализ символической роли Гамлета приводит к ряду теоретических выводов о том, что Л.С. Выготский (вслед за А.А. Потебней [14] и А.Г. Горнфельдом [8]) рассматривал художественную форму как способ познания мира.

Гамлет для Л.С. Выготского выступал не только символом эпохи перемен, каковым его считают многие критики, сколько символом бытия личности, ее определяемости через сопротивление среде и творчество нового. В этом смысле произведение Л.С. Выготского является методологическим обоснованием постановки проблемы личности в контексте культуры как нормативного пространства. Идеи Л.С. Выготского в работе «Трагедия о Гамлете, принце Датском» соотнесены с контекстом гуманитарной мысли первой трети XX в., источником которой явилась проблема самоосуществления личности в ее взаимодействии с миром.

Оценка культуры в социально-философских, психологических, семиотических текстах отечественных авторов XX в. связана с ее толкованием как нормативной системы. Личность в культуре имеет разные стратегии отношения к культурной норме, что и определяет ее личностное бы-

тие или небытие (гамлетовское «быть или не быть»). В современной отечественной психологии наиболее близкие к культурно-исторической концепции объяснятельные схемы взаимодействия культуры и личности представлены в структурно-диалектическом подходе [5], в рамках которого под личностью понимают творца новой социальной нормы, каковым является шекспировский Гамлет.

1. Баянова Л.Ф. Диалектическая психология М.М. Рубинштейна // Психол. журн. 2009. Т. 30. № 6. С. 103–109.
2. Бердяев Н.А. Самопознание. Л.: Ленинград, 1991. 398 с.
3. Бердяев Н.А. Творчество и объективация / Сост. А.Г. Шиманский, Ю.О. Шиманская. Мн.: Экономпресс, 2000. 304с.
4. Веракса Н.Е. Диалектическое мышление и творчество // Вопр. психол. 1990. № 4. С. 5–14.
5. Веракса Н.Е. Личность и культура: структурно-диалектический подход // Перемены. 2000. № 1. С. 81–107.
6. Воронцова-Юрьева Н. Шутка Шекспира. История любви. [Электронный ресурс]. URL: http://www.zhurnal.lib.ru/w/woronzowajurjewa_n/gamlet.shtml (дата обращения: 05.11.2010).
7. Выготский Л.С. Психология искусства / Под ред. М.Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1987. 344 с.
8. Горнфельд А. О толковании художественного произведения // Русское богатство. 1912. № 2. С. 145–172.
9. Достоевский Ф.М. Идиот: Роман в четырех частях. Л.: Лениздат, 1987. 639 с.
10. Дьяченко О.М. Проблема развития способностей: до и после Л.С. Выготского // Вопр. психол. 1996. № 5. С. 98–109.
11. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство – СПб, 2000. 704 с.
12. Мамардашвили М.К. Картезианские размышления. М.: Прогресс, 1993. 352 с.
13. Мамардашвили М.К. Необходимость себя: Лекции. Статьи. Философские заметки. М.: Лабиринт, 1996. 432.
14. Потебня А.А. Слово и миф. М.: Правда, 1989. 624 с.
15. Франк С. Душа человека: Опыт введения в философскую психологию. М., 1917. 254 с.
16. Шекспир У. Трагедия о Гамлете, принце Датском / Пер. с англ., вступ. статья и примеч. М.Л. Лозинского. СПб.: Изд. дом «Азбука-классика», 2007. 416 с.
17. Щедровицкий Г.П. «Трагедия о Гамлете, принце Датском» Л.С.Выготского (Фрагмент работы «Истоки культурно-исторической концепции Л.С.Выготского») // Вопр. методол. 1991. № 4. С. 84–92.
18. Ярошевский М.Г. Когда Выготский и его школа появились в психологии? // Вопр. психол. 1996. № 5. С. 110–122.

Поступила в редакцию 28.II 2011 г.